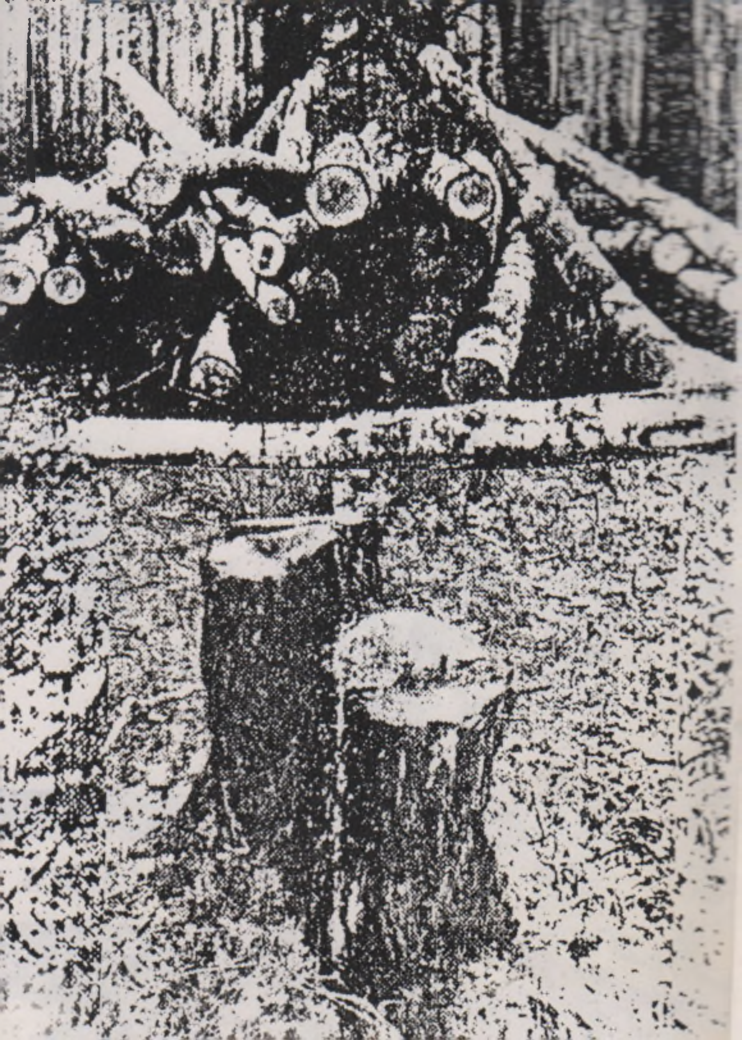
Елена ТАГЕР

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ЗИМА

Елена ТАГЕР

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ЗИМА

Москва
«Возвращение»
1994

ПОЭТЫ — УЗНИКИ ГУЛАГа

Малая серия

22

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ТАГЕР
1895 — 1964

Родилась в Петербурге в семье железнодорожного служащего, училась в университете.

В голодном 1921 году, живя в Поволжье, служила переводчицей в АРА (Американская администрация помощи), за что в 1923 году была выслана в Архангельск, работала в лесхозе экономистом.

В 1928 году вернулась в Ленинград, занялась литературной работой (изданы две книги — «Зимний берег» и «Ревизоры». Сотрудничала в журналах.

В 1938 году арестована вторично — 10 лет Колымы.

После освобождения («минус центры») поселилась в Бийске.

В 1951 году — третий арест, высылка в Северный Казахстан.

После реабилитации жила в Ленинграде.

ISBN 5—7157—0089—2

****

* * *

Приснилось мне, что старые друзья
Опомнились, раскаялись, вернулись,
И что ко мне, тревожа и дразня,
Приветливые руки протянулись.

И дружеские руки отстраняя,
Я говорю без гнева, без досады:
— Друзья мои, не трогайте меня!
Мне ничего ни от кого не надо.

Колыма
1945

* * *

Если б только хватило силы,
Если б в сердце огонь бурлил,
Я бы Бога еще просила,
Чтобы Он мне веку продлил.

Да не бабьего сладкого веку
И не старости без тревог,
А рабочему человеку
Чтоб Он выжить во мне помог.

Потому — не в моей природе
Не закончив дело бросать:
Это — книга о русском народе,
Я должна ее дописать.

Колыма
Весна 1946 г.

* * *

И для тебя, бессонная,
Придет Большая Ночь.
Получит «похоронное»
Единственная дочь.

Друзья (давно забывшие)
Стряхнут слезинки с век:
«Писательница бывшая...
Хороший человек...»

И на тебя истратится
Небесный скудный жар,
И без тебя покатится
Земной надутый шар.

Колыма
1946

* * *

Я думала, старость — румяные внуки,
Семейная лампа, веселый уют...
А старость — чужие холодные руки
Небрежный кусок свысока подают.

Я думала, старость — пора урожая,
Итоги работы, трофеи борьбы...
А старость — бездомна, как кошка чужая,
Бесплодна, как грудь истощенной рабы...

Колыма
1947

* * *

Глубокий трюм, железный скрежет,
Зеленый океанский лед...
Рука невидимая режет
Застывший времени полет.

До нас домчался ветер с юга,
Из края ласковых чудес,
Где не пурга, а просто вьюга,
Где не тайга, а просто лес;

И отступилась, миновалась
Десятилетняя зима,
Та, что у нас именовалась
Колючим словом *Колыма*.

Пароход «Джурма»
Июнь 1948 г.

* * *

Мне снился вот этот приветливый лес,
Хранимый щитом синеоких небес.

Три тысячи триста печальных ночей
Я видела этот веселый ручей.

Я видела алые глазки грибов
В зеленых ресницах нетронутых мхов,

А тысячеустую птичью молву
Я, кажется, слышала и наяву.

Три тысячи триста и сколько-то дней
Я слышала голос отчизны моей.

Бийск, Алтайский край
Сентябрь 1948 г.

* * *

Велегласно блаженствуют утки в канаве;
Меднолобые тыквы воздвиглись на кров...
А пожалуй, их мог бы вкусить и Державин,
Отдохнув от Фелицыных громких пиров.

Восемнадцатый век. Он везде и повсюду:
В домовитости грузной алтайской избы,
В голубой колокольне, и в этих причудах
Изобильной крутой деревянной резьбы;

В этой ровной черте оборонного вала
(Ярославна! Твой голос и здесь прорыдал...)
Восемнадцатый век, чтобы степь пустовала,
На лесном рубеже городил города.

Девятнадцатый век торговал и молился,
Капиталец копил, но эпоха не ждет
И не шутит — и в сонную одурь вломился
Говорливый партейный семнадцатый год.

Век двадцатый! Ты мчишься в венке
пятилеток,
Не Фортуны — Коммуны вертя колесо...
Вот о чем толковал Дидерот с Аруэтом!
Вот чего домогался мечтатель Руссо!

Бийск. 1948

* * *

Суровые годы пройдут, проползут,
Утратят весомость и зримость.
Ты снова словесный почувствуешь зуд
И творческих снов одержимость.

О, старый ребенок! Поверив судьбе,
Ты к жизни захочешь вернуться.
Случайные люди помогут тебе,
Друзья от тебя отвернутся.

Но поле — полыни тебе не родит,
И яблоня — яду не точит.
Очами незлобными мир поглядит
В твои изумленные очи,

Как будто зловещий лиловый рассвет
В тайге не для нас разгорался,
И легкий немой человеческий след
В снегу никогда не терялся...

Бийск. 1949

* * *

Ты рождена суровою любовью
Двух человек, не схожих меж собой.
Тебя снабдили непреклонной кровью,
О сладких снах не пели над тобой.

Тебя растила грозная эпоха,
Не чтившая в величии грозы
Простого человеческого вздоха,
Неслышной человеческой слезы.

Тебя сковала ранняя усталость,
Ты эту землю видела в крови...
Как знать тебе, что есть на свете жалость,
Которая мучительней любви!

Простишь ли мне нерадостное детство?
(Как торопливо с ним рассталась ты!)
И примешь ли печальное наследство —
Опавший лист несбывшейся мечты?

Где серебрился замок мой воздушный —
Желтеет погребальная трава.
Но ты к мечтам и замкам равнодушна,
Ты не простишь, не примешь... Ты права.

Бийск. 1950

---

* Посвящается дочери Марии Николаевне. (*Ред.*)

* * *

В скитаньи долгом и бесцельном —
Одна мечта, одна отрада:
Поцеловать в поту смертельном
Святые камни Ленинграда.

И успокоиться в могиле
Не здесь, не на чужом погосте —
Чтоб в ленинградской глине гнили
Мои измученные кости.

Барнаул. Следственная тюрьма.
Осень 1951 г.

* * *

Оплывает свеча. Наклонился
Огонек и глядит во тьму.
Значит, мир мне только приснился?
Или я приснилась ему?

Все равно. Бесплодные муки
Дымной тучей лежат позади.
И родимой кроткие руки
Призывают, манят: «Приди!»

Я иду. Податель забвенья,
Умудри меня, научи.
Да коснется Твое дуновенье
Огонька оплывшей свечи!

Барнаул. Следственная тюрьма
Конец 1951 г.

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

За решеткой что-то распахнулось,
Приоткрылось далью голубой
И по молодому оглянулось...
А ведь мы не молоды с тобой!

Что ж, Душа, мы пожили неплохо:
Мы ли не слыхали соловьев
В ночь весеннего переполоха,
В час, когда бесчинствует любовь?

Мы ли не видали эту землю
В зелени лесных ее кудрей,
В блеске белых, черных, средиземных
Синих и лазоревых морей?

Так, Душа! Земля звучала гордо —
Что-то скажет голубая твердь?
Неужели мы с тобой не твердо,
Не спокойно встретим эту смерть?

Барнаул. Следственная тюрьма
Конец 1951 г.

* * *

Горя клубок и несчастия свиток...
Где же конец? Развяжи, облегчи!
Сколько мы знаем мучительных пыток —
Все они собраны в этой ночи.

Стоны, и храп, и слова бредовые —
Страшно их вымолвить, стыдно внимать;
Медленно душат старух домовые,
Клича детей, просыпается мать.

Совесть ли мучит? Обида ли гложет?
Раны ли старые снова горят?
Надо молиться. Быть может, поможет.
Может быть, там, за решеткой — заря...

Барнаул. Пересыльная тюрьма
Январь 1952 г.

* * *

Так смертник по камере мечется.
Так зверь, угодивши в капкан,
Железо грызет и калечится,
И гибнет от яростных ран.

Когда же на миг он забудется,
Ему, потрясенному сном,
Вечернее озеро чудится
В смолистом безлюдье лесном.

И алая, алая, алая
Струится вода в камыше,
И льнет тишина запоздалая
К его оглушенной душе.

Северный Казахстан
Февраль 1952 г.

* * *

Ходят тучи рваной цепью
И проходят, гром затая.
Это коршун кружит над степью,
Или это доля моя?

Целый день он сверху дивится,
Как уходят в степь поезда,—
Одинокая злая птица,
Без подруги и без гнезда.

Целый день он кружит и крячет,
Издевается над грозой,
Дразнит тучу — и туча плачет
Нелюдимой скупой слезой.

Северный Казахстан
Весна 1952 г.

* * *

Отшумели алтайские сосны
Над бездомной моей головой;
Стелет степь ковер медоносный
И сливается с синевой.

Я совсем не любила степи,
И не трогал меня удел
Чингисхановых великолепий,
Салаватовых славных дел.

Мне сияли горные цепи,
Пело море, шептался лес...
Я совсем не любила степи
И не знала ее чудес.

Бирюзовой ханской гробницей
Закругляется небосклон;
Шелестя огромной страницей,
Древний ветер поет канон:

«В мире нет дороги случайной —
Есть таинственный путь земной,
Чтоб последней земною тайной
Встал зеленый морок степной,

Чтоб не стон израненной птицы
Трепетал на обломках гнезд,
А могучий голос орлицы
Доносился до синих звезд...»

Северный Казахстан
Весна 1952 г.

* * *

Они в огне ее сожгли,
Мою мечтательную лиру,
Но пели красные угли,
Вещая свет и мудрость миру.

И их засыпали землей,
Сухой, холодной, онемелой...
Но лира пела под землей —
И все кругом зазеленело.

И землю залили водой,
Вода бурлила и кипела,
Валы вставали чередой,
А лира пела, пела, пела...

Северный Казахстан
Весна 1952 г.

* * *

Блеснуло зеркало воды,
Ночные птицы замолчали.
Благослови мои труды,
Мои заботы и печали.

На память трудную мою,
На язвы гнева и презренья
Пролей прохладную струю
Непротивленья и забвенья.

Да прянет жизненный поток
Рекой широкой, полноводной,
Как этот розовый восток —
Прекрасной, чистой и свободной

Северный Казахстан
Лето 1952 г.

ОВИДИЙ В ССЫЛКЕ

Поэта чистые уста
Людская злоба поразила,
Бессовестная клевета
Невинный облик исказила.

И лира бедная грустит:
Как эта степь необозрима!
Жестокий Цезарь не простит,
Не возвратит на стогны Рима!

И незнакомая река,
К восторгу дальних поколений,
Уносит в дальние века
Поэта праведные пени...

Северный Казахстан
Лето 1952 г.

* * *

Я бритву себе припасла,
Надежную, острую бритву;
Я сразу бы кончить могла
Бесплодную шумную битву;

И вены под кожей лежат,
Как мелкие синие змеи —
Да глупые пальцы дрожат,
Змею перерезать не смея.

Унять бы нелепую дрожь,
Бессмыслицу кончить бы разом
Да на ухо новую ложь
Бормочет услужливый разум.

Но, кажется, дело не в том,
Что разум хитрит и боится —
А в том, голубом, золотом,
Что с вольного неба струится,

На розовом дышит снегу,
Горит фиолетовой далью
И боль моего *не могу*
Спокойной смягчает печалью.

Северный Казахстан
Зима 1952 г.

РАЗГОВОР С ВЕТРОМ

Здравствуй, зимний вечер,
Непроглядный мрак!
Здравствуй, здравствуй, ветер,
Мой старинный враг!

Хочешь вырвать ставни,
Крышу унести,
След людской недавний
Начисто смести?

Под окном стучится,
Трубит у ворот,
Вдоль по степи мчится,
Про меня поет:

«Белые одежды
Смерть тебе готовит,
Брось свои надежды
И не прекословь ей.

На часах пробило,
На весах лежало:
Ты не долюбила,
Ты не дописала...»

— «Ветер, враг жестокий,
Пощади, помилуй.
Не зови до срока
В черную могилу;

Зажигать мне рано
Гробовые свечи —
Я еще воспряну,
Я еще отвечу!..»

Ледяные губы
Хохотали грозно,
И рыдали трубы:
«Поздно! Поздно! Поздно!»

Северный Казахстан
Зима 1953 г.

* * *

И он умирает, как всякий другой.
Часы прозвонили: «Сегодня!»
Он будет лежать — простертый, нагой,
Суда ожидая Господня.

Его гениальность растает, как дым,
Под взором иных поколений —
И страшным парадом пройдут
перед ним
Друзей оклеветанных тени.

Северный Казахстан
4 марта 1953 г.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ПЕРРОНЕ
В ЧАС ОТЪЕЗДА Т.А.МИХАЙЛОВОЙ

Не останется даже в помине
Нас, безумного века исчадий.
Ты очнешься от нашей пустыни
Далеко-далеко — в Ленинграде.

Там над Биржей — лазурная Вега,
Над Невой — смугло-розовый вечер,
И пушистая мантия снега
Кроет сфинксам покатые плечи,

И пушистая мантия кроет
Императорских замков фронтоны,
И толпятся в торжественном строе
Петербургских чертогов колонны...

Северный Казахстан
Январь 1953 г.

СОН

С трудом, со скрипом дрогнул ключ
В заржавленном замке,
Зажегся прежний синий луч
В измученном зрачке;

И я шепчу, что разрублю
Железный узел дней,
Что не по прежнему люблю,
А глубже и сильней;

И вновь прорезал тишину
Знакомой страсти звук,
И я опять, опять в плену
Нерасторжимых рук...

Но хлещет черная волна,
Старинный луч потух,
Страшнее грома тишина
Ошеломила слух.

И в страхе, в ужасе, в слезах,
В смятении, в тоске —
Я поняла, что в тех руках
Не быть моей руке;

Я поняла, что только сны
В защиту нам даны,
Что даже смерть побеждена
Бесстрашной правдой сна.

Северный Казахстан
Лето 1953 г.

* * *

Горят опаловые дали,
Земля спокойна и ничья,
Над нею тучи отрыдали,
И смех послышался ручья.

И я гляжу на эту землю,
Не тороплюсь, не говорю,
Весенним жаворонкам внемлю,
Любовью сладостной горю.

И этой сладостной любови
Нельзя мне выразить в словах,
Затем, что чувству тесно в слове,
А слову больно на губах...

Северный Казахстан
Весна 1954 г.

* * *

Как в ножны ложится, не споря,
Привычное к ним лезвие,
Так входит привычное горе
В покорное сердце мое.

Я знаю, что сердце — не камень,
Не серый холодный гранит;
Сожму его крепче руками —
И пусть себе горе хранит.

Северный Казахстан
Лето 1954 г.

* * *

И вижу я запущенного сада
Сплошную изумрудную листву,
И заводь, где пугливая наяда
В спокойную глядела синеву.

Того, что билось глуше и покорней —
Я слышу сердца бешеный скачок;
Я вижу сад, я вижу детства корни —
Со скрипкой вновь смыкается смычок.

И жизни многогранное единство
Поет, поет симфонией в крови:
Восторг труда, и гордость материнства,
И светлый бред нетронутой любви.

Стирает время пыли слой ничтожный
И все ясней бессмертные черты,
И все слышнее голос непреложный:
«Служенье муз не терпит суеты!»

Северный Казахстан
Лето 1954 г.

* * *

Знает только ночь-безмолвница,
Видно только черным тучам,
Как седое сердце полнится
Хмелем юности кипучим.

Это — лучшая меж лучшими
Песня хочет появиться,
Чтоб над тучами летучими
Огнекрылой птицей виться...

Северный Казахстан
Лето 1954 г.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Хватит с нас этой возни
с реабилитированными...

Вера Панова

Ну, правильно! Хватит с вас этой возни.
Да хватит и с нас, терпеливых,
И ваших плакатов крикливой мазни,
И книжек типически лживых.

Не выручил случай и Бог нас не спас
От мук незаслуженной кары...
А вы безмятежно делили без нас
Квартиры, листаж, гонорары.

Мы слышали ваш благородный смешок...
Амнистии мы не просили.
Мы наших товарищей клали в мешок
И молча под сопки носили.

Задача для вас оказалась легка:
Дождавшись условного знака,
Добить Мандельштама, предать
Пильняка
И слопать живьем Пастернака.

Но вам, подписавшим кровавый
контракт,
В веках не дано отразиться,
А мы уцелели. Мы живы. Мы факт.
И с нами придется возиться.

Ленинград.
1959

СОДЕРЖАНИЕ

14.01.1994 Тираж 300 экз.

ЗВ